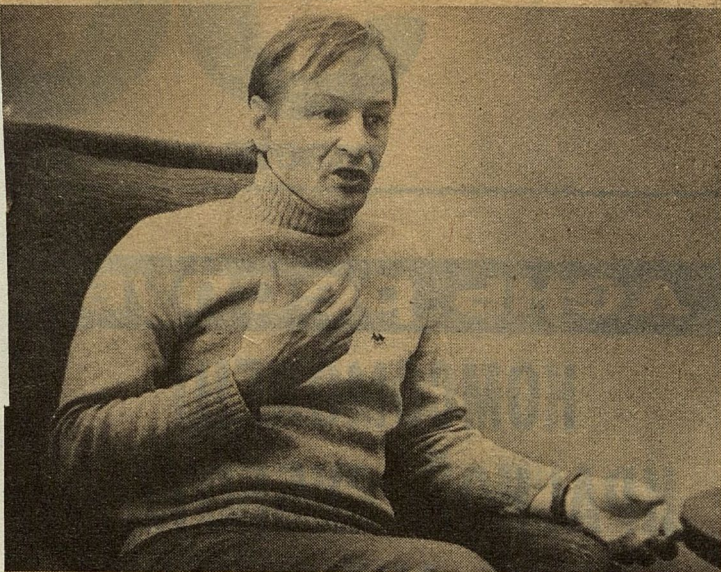

Фестивальный гость

С ЗАПАСОМ НЕИСПОЛЬЗОВАННОГО ДЕТСТВА

В разговоре Михаил НОЖКИН пошутил: «Зачем я здесь, на фестивале? Картин с моим участием нет. Так, генерал на свадьбе». Но шутил без потаенной грусти, ибо знал, что не свадебный «генерал», что — желанный гость. И на фестивале, и в Эстонии, где сам любит выступать, где его, поэта и актера, очень любят. Любят не вообще, а за очень конкретное — за то, что киногерои его, мягкие и интеллигентные, честны по самой человеческой своей природе, за то, что песни, в которых — «мне б до Родины дотронуться рукой», — честны человеческой своей сутью. Наверное, вполне достаточно — любить за честность.

Когда осенью в Париже проходил Марш мира, французский комитет Защиты мира, приглашая общественных деятелей, официальных лиц, выбрал представителем нашей страны только одного человека. Только одного — это вызвало удивление. Не вызвала удивления личность приглашенного — Михаила Ножкина, того самого, что в антивоенной эпопее «Освобождение» с гитарой и в офицерских погонах, выстрадав сердцем «последний бой», который «трудный самый», стал символом грядущей свободы.

— Мое поколение поэтов и артистов родила жизнь. К тому времени уже резко рванули вперед наука и техника. Искусство, чья миссия быть впереди, отставало. И упущенное требовалось наверстать. Жизнь требовалась. Тогда и пришли в литературу врачи, инженеры, представители других профессий, которые жизнь эту хорошо знали. Громко заявив о себе во весь голос в своей области, технари заявляли о себе и в литературе. Нас родило время.

Но порой мне кажется, что я родился уже с обнаженными нервами, поэтому мне трудно говорить о своих болевых точках. Они — это весь я. Все меня касается, я уже просто не могу не замечать того, что происходит вокруг. Это больно — видеть все, кожей все чувствовать. Порой хочется от этого избавиться — не могу. Народ, страна, Родина — это так естественно. Без этого нет человека. И я никогда не абстрагируюсь от этих понятий. Наверное, это идет из детства, московского, военного, когда рядом был госпиталь с ранеными, искалеченными войной солдатами. С ними я рос. Во мне до сих пор живет запас неиспользованного детства. Я просто не помню себя ребенком. Нас сразу взрослыми воспитала война. Наверное, так и надо воспитывать детей — не войной, конечно, но личным примером мужественности.

Особенно сыновей, — чтобы воспитать из них Мужчин. Мы стали такими, потому что так вели себя мужчины вокруг. Они не говорили громких слов. Но в них, раненых, голодных, жила неистребимая вера в лучшее, в добро.

Грустно... Мы стали лучше жить, стали материально богаче и морально скупее — на улыбку, на доброе слово. Откуда эта скупость? Не пойму. Понимаю только, что от нее — душевная глухота и большинство наших проблем.

Могут ли они — меня не касаться? Тогда я бы не стал ни поэтом, ни артистом. Ведь не случайно говорится, что артист — это не профессия, это диагноз. Поставлен — значит, действительно болен. Кто ставит? Те, кому адресовано наше творчество, и без кого оно немислимо. Те, для кого я сочиняю стихи и пою песни, для кого играю — биолога ли, как в фильме «Каждый вечер в одиннадцать», ученого ли, как в картине «У озера», русского ли офицера, как в «Хождениях по мукам», или советского, как в «Освобождении». Они ждут разговора о главном — неглавное кого же волнует? И — заметили? — все мои герои, как бы ни были они преломлены в призме, именуемой жизнью, всегда полны надеждой, всегда несут надежду другим. Совпадение? Но ведь и искусство — это, прежде всего, надежда.

Михаил Ножкин, 1982, 17 апр.